

основных факторов, который в значительной степени детерминировал специфику этой рецепции, было увлечение поэта работой немецкого натурфилософа А. Гумбольдта “Космос”. В духе философии последнего Т. Шевченко воспринимал Аральское море как живое, но предавал образам анимированного морского пейзажа ярко негативную окраску, что можно объяснить депрессивными настроениями поэта, вызванными жизнью политического ссыльного.

Ключевые слова: Аральское море, натурфилософия, поэзия, природа, рецепция, Тарас Шевченко.

Summary

The article deals with the problem of T. Shevchenko's perception of Aral Sea (based on the poetry named “І небо невміє, і заспані хвилі ...”). Author convinces that one of the most important factors that has determined this perception's specific character was in a high degree poet's passion for German naturphilosopher A. Humboldt's work “The Cosmos”. In A. Humboldt's manner T. Shevchenko perceived Aral Sea like animated, but gave strong negative colours to the sea images, what can be explained by poet's depressive spirits, caused by his life in the political exile's status.

Keywords: Aral Sea, nature, naturphilosophie, perception, poetry, Taras Shevchenko.

УДК 821.161.1(092) Пушкин А.С. “К морю”

Дмитриева У.М.,
кандидат филологических наук,
Новосибирский государственный
педагогический университет

“К МОРЮ” ПУШКИНА: СЮЖЕТ ПЛАВАНИЯ И ПОЭТИЧЕСКОЕ “ГОЛОСОВЕДЕНИЕ”

Южная ссылка обогатила Пушкина множеством ярких впечатлений, в том числе и знакомством с морской стихией. С.А. Фомичев, описывавший рисунки в рукописях Пушкина, заметил: “Казалось бы, жизнь Пушкина была мало связана с морем: единственный раз ему довелось плыть на военном корабле летом 1820 года, о чем он поведает в элегии “Погасло дневное светило”. Но, перелистывая страницы его лирики, мы с удивлением обнаруживаем, что он был едва ли не самым плодовитым русским поэтом-маринистом” [19, 13]. В корпусе текстов, написанных Пушкиным во время южной ссылки и сразу после нее, по свежим впечатлениям, формируется и развивается комплекс мотивов, объединивших круг байронических образов, мотивы поэзии А. Шенье и поэтическую фразеологию, выработанную В.А. Жуковским и К.Н. Батюшковым.

Первая южная элегия “Погасло дневное светило <...>” представляет квинтэссенцию морских романтических мотивов. Заявленное в ней желание соединиться с морской стихией вылилось в ряд текстов о возможном плавании. Они и близкие им по времени создания стихотворения изобилуют формами императива и обращениями к морю и его атрибутам (“Шуми, шуми, послушное ветрило; / Волнуйся подо мной, угрюмый океан <...>” [11, 7]; “Кто, волны, вас остановил <...>”, “Взыграйте, ветры, взройте воды <...>” [11, 151]; “Завидую тебе, питомец моря смелый <...>”, “Приветствую тебя, свободный Океан <...>” [11, 153]; “Морей красавец

окриленный! / Тебя зову – плыви, плыви <...>”, “Ты, ветер, утренним дыханьем / Счастливый парус напрягай <...>” [11, 183], “Прощай, свободная стихия <...>”, “Шуми, взволнуйся непогодой <...>” [11, 198–200] и др.). Склонность Пушкина к повторяющимся риторическим оборотам обнаруживает устойчивый мотив – желание покинуть берег и устремиться в плавание. Биографический подтекст этого стремления стал почти общепринятым в толковании пушкинских текстов⁴.

Мотив путешествия, взлелеянный романтической поэзией, приобретает у Пушкина статус возможности, виртуальности. Однако послание к морю является кульминацией взаимопроникновения лирического и стихийного начал в поэзии Пушкина. Противопоставление и в то же время слияние личного начала с безличным виделось поэтами в отношениях романтического героя и разбушевавшейся стихии. Родство романтического, “байронического” героя с морской стихией – общее место в анализе пушкинских элегий начала 20-х годов: “Один из ключевых образов, выражающих пафос романтического слияния с природой, – водное пространство, текучее или безбрежное” [16, 253].

Семантика морской стихии в “элегическом послании” “К морю” давно описана литературоведами. Б.В. Томашевский в качестве лейтмотива этого стихотворения выделил прощание с морем, югом, “со всеми впечатлениями последних лет, со всеми поэтическими замыслами, родившимися и осуществленными на юге, с завершенным периодом жизни, со своей поэтической молодостью, с романизмом” [17, 272]. Э.В. Слина характеризует море в этом тексте как могущественную стихию, символ романтической свободы, адресат послания, совмещающий в себе роль субъекта и объекта действия, а также как образ, организующий композицию стихотворения (через особое движение мысли, через постоянное возвращение к началу имитируется ритм морского прибоя) [14, 234–237]. Е. Маймин видит в море воплощение романтической свободы: “С самого начала мысли поэта о море неразделимы с его мыслями о свободе. Море свободное и оно же – стихия. Стихия тоже выражение и образ свободы. Свободная и стихия – это как бы вдвойне свобода, свобода абсолютная” [8, 25]. Исследователи, совмещая биографический и творческий контексты, описывают стихотворение Пушкина как прощание поэта не только с морем, но и с романтизмом.

Действительно, лирический сюжет стихотворения – невозможность слиться со стихией моря. Сетования по поводу этой невозможности концентрируются в центральных (6-ой и 7-ой) строфах. “Поэтический побег” шестой строфы, таким образом, получает не только биографическое истолкование, но и сугубо творческое:

*Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег <...> [11, 199].*

⁴ Например, в комментарии стихотворения “К морю” в академическом издании отмечено: “Пушкин говорит о задуманном им, но не состоявшемся бегстве из Одессы за границу” [Пушкин, II, 420].

Эпитет “поэтический” может быть понят в двух значениях: “принадлежащий поэту или поэзии” и “творческий”. Кроме того, если в слове “побег” не актуализировать значение бегства, а обнажить схему его образования от глагола путем усечения основы (как, например, в “Евгении Онегине”: “Лай, хохот, пенье, свист и хлоп, / Людская молвь и конский топ⁵!”), то “поэтический побег” приобретает совершенно другое значение – творческое движение по стихии моря.

Желание “побега” рождается из движения героя по берегу моря, умысел побега еще как бы не осмыслен героем до конца:

*Моей души предел желанный!
Как часто по брегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умислом томим!* [11, 198].

Томление заветным умислом на берегу моря вписывается в тему поэтического побега: в соседстве с творческой стихией моря поэт испытывает и творческое томление *замыслом*. При всей родственности “душ” лирический герой и стихия моря не могут соединиться, они как бы существуют параллельно: море неистовствует в своем пространстве, герой томится в своем. Активность стихии и пассивность героя выражена глаголами. Если с морем связаны глаголы активных действий (катишь, блещешь, выиграл, ждал, звал) и формы императива (шуми, взволнуйся), то с героем в основном – глаголы состояния и восприятия (услышал, томим, любил, окован, очарован, остался, не забуду, слышать буду). Попытка героя совершить активное действие дважды в тексте сопряжена с семантикой напрасности: “не удалось <...> оставить, <...> поздравить, <...> направить”, “*вотще рвалась душа моя*”.

Отметим, что желание покинуть берег ради морского бегства вплетено Пушкиным и в сюжет Автора в “Евгении Онегине” (строфа L первой главы). И здесь всё обилие глаголов активного действия заключено в риторических вопросах, восклицаниях и призывах так же, как герой заключен в пределах земной стихии. А возможность совершения чего-либо в романе связывается Ю.Н. Чумаковым именно с морским пространством [21, 185].

Пребывание элегического и романного героев на берегу наполнено еще и бесцельным, ненаправленным движением: “Бродил я тихий и туманный, / Заветным умислом томим”; “Брожу над морем, жду погоды”. Это напрасное томление и движение находят отклик в стихах “Осени”, связанных с переживанием “нетворческого” периода: “Кровь бродит; чувства, ум, тоскою стеснены <...>” [12, 262]. Таким образом, вызревание замысла сопровождается хаотичным перемещением по берегу, в то время как вызревшее намерение – явно направленным движением вовне (“поэтический побег”): душа поэта стремится преодолеть границу берега и пуститься “по хребтам” океана.

Антитетичность героя и океана зафиксирована первой строкой седьмой строфы: “Ты ждал, ты звал <...> я был окован”. Даже ритм ее подчеркивает

⁵ Курсив мой – У. Д.

семантический разлом и противопоставление: пауза находится ровно посередине четырехстопной строки после второй стопы, графически это обозначено многоточием. Этот семантический разлом делит на две части и весь текст стихотворения, с этой строки внимание смещается непосредственно с морской стихии на лирическое “я”. Следующие шесть строф, посвященные Наполеону и Байрону, представляют своего рода культурную рецепцию стихии героем; море для него связано с двумя неординарными личностями. Причем, если Наполеон связан с морем по принципу смежности – последние дни его жизни были проведены среди волн, то Байрон соотносится с морской стихией по принципу метафорического сходства – его характер и судьба напоминают необузданность океана.

Однако шесть строф про завоевателя и поэта являются не просто “вставным” стихотворением внутри уже готового текста: исподволь они подготавливают кардинальное изменение позиции лирического “я”. Шесть строф про Байрона и Наполеона представляют собой сюжет возможного путешествия героя по морю. Воображаемое плавание начинается с сослагательных форм глагола:

*О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил <...> [11, 199].*

Лирический герой представляет, что могло бы произойти, если бы морское путешествие осуществилось. И оно осуществляется, но только в его воображении. Начало подобного путешествия описано в “Осени”, но само плавание выходит во внетекстовое пространство.

Воображаемое путешествие стало продуктивным сюжетом в русской поэзии. “Сентиментальное путешествие” Н. Гумилева красочно и подробно описывает плавание героя с возлюбленной. Их путь лежит “меж Стамбулом и Скутари”, мимо Принцевых островов, через Афины; он очерчен Порт-Саидом, Критом, Родосом, Лессеповым молотом. Однако финал стихотворения открывает, что “странствие двух душ” оказывается лишь “творческим сновидением, игрой поэтического воображения” [5, 41]:

*Только вспомнишь – и нет вокруг Петербургская злая ночь;
Тонких пальм, и фонтан не бьет; Я один, и перо в руке,
Чтобы ехать дальше на юг, И никто не может помочь
Нас не ждет большой пароход. Безысходной моей тоске <...> [4, 315].*

В стихотворении А. Кушнера “Урок географии” с первых строк задается невозможность путешествия: “Адриатическое море / Так далеко от нас, вот горе!”. Но путь все-таки начинается из Одессы. Как и у Гумилева, текст Кушнера пестрит географическими номинациями: Босфор, Дарданеллы, Турция, Эгейские острова, Крит, Ионическое море и т.д. Однако под географическим путешествием обнаруживается творческое странствие, осененное присутствием музыки:

*И муза к нам не безучастна. Как по волне, мы лезем в гору.
Ведь чем поэзия прекрасна? Такая даль открыта взору –
Тем, что по строчке стиховой, Бинокль не нужен полевой <...> [6, 100].*

Даль стихотворных строк увлекает героя; его путь пересекается с путешествиями других поэтов:

<i>Адриатические волны!</i>	<i>Но этот стол прямоугольный,</i>
<i>Вбирай в себя, вниманья полный,</i>	<i>Но этот ветер своевольный,</i>
<i>И блеск, и тень, и синеву <...></i>	<i>Но как похоже на Неву! [6, 100].</i>

Странствие Кушнера пересекается, а иногда и совпадает с путешествиями Пушкина и Гумилева. “Адриатические волны”, взятые Кушнером еще и эпиграфом к стихотворению, отсылают нас к строфам “Евгения Онегина”, выражающим жажду путешествий. Эта же параллель отражена характерной рифмой “волны – полный” (Ср. у Пушкина: “Адриатические волны. / О Брента! нет, увижу вас / И вдохновенья снова полный, / Услышу ваш волшебный глас! <...>” [13, 30]). Третья строка цитирует стихотворение Пушкина “К морю”. Творческое путешествие завершается, как и у Гумилева, в Петербурге у письменного стола. Пространство “меж Фонтанкой и Мойкой” разворачивается в дальнейшее плавание и возвращается в исходную точку:

<i>Окно сияет ручкой медной.</i>	<i>Ведь с картой бег свой не сверяем</i>
<i>Мы путь свершили кругосветный.</i>	<i>И путь домой кратчайший знаем –</i>
<i>И что ж? – едва утомлены.</i>	<i>С другой, звучащей стороны <...> [6, 101].</i>

Вернуться домой можно так же, как и отправиться в путешествие – кратчайшим путем через звучащую поэзию. Таким образом, пушкинские воображаемые путешествия задали целый комплекс сюжетов творческого плавания. Внимательное и многочисленное упоминание топонимов как бы отвечает на вопрос Пушкина, завершающий виртуальное плавание в послании “К морю” и открывающее его в “Осени”: “Мир опустел <...>. Теперь куда же / Меня б ты вынес, океан?” и “Плывет. Куда ж нам плыть?”.

Неосуществившееся соединение с морской стихией завершается в стихотворении Пушкина “К морю” формальным удалением от нее, последние две строфы через мотив прощания возвращаются к началу текста:

*Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы <...> [11, 200].*

Как известно, в автографе и в той редакции стихотворения “К морю”, которая была напечатана в альманахе “Мнемозина”, третья строка этой строфы выглядела по-другому: “И долго, долго помнить буду <...>”. Обнаружившая это Т.Г. Цявловская заметила, что этот вариант “выразительнее передает чувственное ощущение неотступного звучания моря” [20, 204]. Действительно, “помнить” и “слышать” – глаголы, рисующие разную дистанцию между героем и морем: “слышать” – значит ощущать присутствие стихии. Поэтому физическое удаление происходит параллельно полному психологическому слиянию героя и стихии:

*В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн [11, 200].*

В этой строфе стихия моря преобразуется, герой берет на себя функцию “агенса”: появляется единственный глагол активного действия, имеющий отношение к лирическому “я” – перенесу. Превращение моря становится возможным благодаря творческому акту лирического героя, который также претерпевает кардинальное изменение. Его латентное пребывание на берегу оборачивается волевым творческим актом: состояние томления сменяется целенаправленным претворяющим действием. В принципиально безводное и бесшумное пространство (“В леса, в пустыни молчаливы”) герой “переселяет” морскую стихию. Перенос осуществляется по принципу метонимии, когда новый локус наполняется воспоминаниями о значимых морских атрибутах (“Перенесу, тобою полн, / Твои скалы, твои заливы, / И блеск, и тень, и говор волн”). Герой “переносит” в иное пространство воспоминание о море, которое складывается из разных частей: скал, заливов, блеска и тени, морского шума. И как бы обнажая этот прием преобразования стихии, Пушкин употребляет ключевое для метонимии слово – “перенесу”. Таким образом, океан включается в другой мир, созданный поэтом, и преобразует его, наполняя собой, своим блеском и шумом, что совершается и на уровне фонетики. “Леса” и “пустыни молчаливы” оглашаются неведомыми им звуками. Последние две строки имитируют шуршание воды по гальке и перекаты волн: “Твои скалы, твои заливы, / И блеск, и тень, и говор волн”. Звукоподражательный эффект создается с помощью особого расположения звуков по двум рядам строк. В первой строке размеренно чередуются редуцированные [â] с ударными [и] / [ы]: [â – и´ – â – ы´ – â – и´ – â – и´ – ы]. Так создаются широкие звуковые колебания, которые поддерживаются и перемежением согласных: тв – ск – л – тв – з – л – в. Во второй же строке эти звуки четко делятся на две группы, в первой части строки (“и блеск, и тень, и <...>”) сосредотачиваются гласные верхнего подъема и свистящий согласный, а во второй (“говор волн”) – гласные среднего подъема и сонорные согласные: [и – э´ – и – э´ – и – о´ – â – о´], [ск – т – в – р – в – лн]. На фоне более пронзительной, “шумящей” первой части строки “говор волн” выделяется своей звучностью; и если первая часть изображает своим звуковым строем шуршание волны по берегу, то вторая часть – накатывающие, еще полные силы морские валы. Морская стихия как бы воссоздается звукописью.

Звуковая изобразительность пушкинских стихов возникла на основе схожих сочетаний, встречающихся в текстах Батюшкова: “И кормчего на палубе взыванье / Ко страже, дремлющей *под говором валов*” [1, 180], “Под *говором* древес, пустынных птиц и вод” [1, 215], “И есть гармония в сем *говоре валов* <...>” [1, 414]. Пушкин немного укоротил словосочетание, уменьшив количество редуцированных звуков до одного и сблизив слоги “во-”, и тем самым усилил его звукоподражательность: “говор волн” является концентрацией звучания водной стихии. Само стихотворение – это прощание с морской стихией, но расставание с ней происходит только в реальности, потому что финальная ономастопея переносит море в мир поэзии.

М.Н. Эпштейн заметил, что “множество “морей” русской поэзии объединяются Морем пушкинского стихотворения “К морю”” [22, 9]. На наш взгляд, эту мысль можно

уточнить: не просто объединяются, а порождаются его звуковым строем. Батюшков и Пушкин дали голос морской стихии, серебряный век изучил их уроки стихийной фонетики и воспринял образ моря как воплощение творческой свободы.

Блистательный “голосовед” XX века, услышавший в шуме моря “ропот старческой кифары”, оценил и процитировал пушкинский финал “Евгения Онегина”:

*И море, и Гомер – всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер молчит,
И море Черное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к изголовью* [9, 81].

У Мандельштама Гомер замолкает, как бы уступая место голосу вод, морская стихия становится началом творческим, ей дана способность “витийствовать”. “Пустынные гексаметры волны” и “тысячами уст глаголящее Море” в “Киммерийских сумерках” М. Волошина повторяют этот урок [3, 90, 91]. Море у А. Лозина-Лозинского также преисполнено ритмом торжественных эпических гимнов, в связи с ним поэт тоже вспоминает Гомера: “Величаво-однотонный / Говорит из года в годы / Строфы эпоса бездонный / Океан, Гомер природы <...>” [7, 27].

Для В. Набокова, остро переживавшего разлуку с Россией, шум моря говорит о родине и стихах Пушкина:

И вновь в бессонной тишине открой окно свое пошире, и с морем ты наедине в огромном и спокойном мире.	Не моря шум – в тиши ночной иное слышно мне гуденье: шум тихий родины моей, ее дыханье и биенье.
--	---

В нем все оттенки голосов
мне милых, прерванных так скоро,
и пенье пушкинских стихов
и ропот памятного бора <...> [10, 539–540].

Знакомый звукообраз мы видим в строке “ропот памятного бора”: несмотря на то, что ропот бора разрывается вставленным эпитетом, в нем фонетически узнается “говор волн”. Примечательно, что Набоков связывает с шумом моря “бессонную тишину”. Видимо, то, что написала И. Сурат про мандельштамовскую бессонницу, можно сказать и про Набокова: бессонница – “состояние благословенное, она дает поэту возможность встречи и творческого общения с любимыми поэтами, вхождения в их образный и ценностный мир <...> Гомер, Данте, Пушкин не уводят поэта от его личного Я, а, напротив, – обеспечивают полноту внутренней жизни <...>” [15, 149–150]. Шум моря уже неразрывно ассоциируется у современных поэтов с бессонницей, Кушнер присваивает морю именно этот эпитет: “Бессонное, шуми! Подкрадывайся, бей / В беспомытный висок горячую волною <...>” [6, 209].

Стихи и стихия не случайно сближаются через звучание. Г. Башляр писал о поэтическом “голосоведении”: “Вода – это огромное единое пространство. <...> поэтическое ухо, покоряясь песне воды, как фундаментальным звукам, приводит хор нестройных голосов к единению” [2, 266]. Только чуткий слух поэта способен распознать божественную гармонию в звучащей стихии. А фоника его стиха способна воссоздать ее, ранее расщепленную, разъятую на

атрибутивніе составляющие. Поэтическая “алхимия” “устанавливает природу разъятых частей через формирование системы отождествлений <...>, синтезирует новое единство, уже артикулированное, осознанное и выраженное в слове” [18, 30–31]. Поэтому превращение моря у Пушкина сродни переселению духовной сущности стихии из одного локуса в другой.

Литература

1. Батюшков К. Н. Собр. сочинений : в 2-х т. / К. Н. Батюшков ; [сост., подгот. текста, вступ. статья и коммент. В. Кошелева]. – М. : худ. литература, 1989. – Т. 1. – 560 с.
2. Башляр Г. Вода и грезы : опыт о воображении материи / Г. Башляр ; [пер. с фр. Б. М. Скуратова]. – М. : изд-во гуманит. лит., 1998. – 268 с.
3. Волошин М. А. Избранные стихотворения / М. А. Волошин ; [сост., вступ. ст. и примеч. А. В. Лаврова]. – М. : Сов. Россия, 1988. – 384 с.
4. Гумилев Н. С. Стихи ; письма о русской поэзии / Николай Гумилев. – М. : Худ. литература, 1990. – 423 с.
5. Куликова Е. Ю. “Куда ж нам плыть?..” (приглашение к путешествию Пушкина, Бодлера и Гумилева) / Е. Ю. Куликова // *Studia Rossica Posnaniensia*, 2005. – Vol. XXXII. – P. 39–49. – (Adam Mickiewicz University Press, Poznan).
6. Кушнер А. С. Таврический сад : избранное / А. С. Кушнер. – М. : Время, 2008. – 528 с.
7. Лозина-Лозинский А. Благочестивые путешествия / А. Лозина-Лозинский. – Петроград, 1916. – 56 с.
8. Маймин Е. “К морю” : стихотворение Пушкина / Е. Маймин // *Литература в школе*. – 1974. – № 2. – С. 25–29.
9. Мандельштам О. Э. Избранное / О. Э. Мандельштам. – СПб. : Диамант, Золотой век, 2000. – 448 с.
10. Набоков В. В. Собр. сочинений в 5 т. (Русский период) / В. В. Набоков ; [сост. Н. Артеменко-Толстой, предисл. А. Долинина]. – СПб. : Симпозиум, 1999. – Т. 2. – 675 с.
11. Пушкин А. С. Полн. собр. сочинений : в 10 т. : стихотворения 1820–1826 : [текст] / А. С. Пушкин ; [АН СССР, Ин-т русск. лит. (Пушкин. Дом)]. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1951. – Т. 2.
12. Пушкин А. С. Полн. собр. сочинений в 10 т. : стихотворения 1827–1836 : [текст] / А. С. Пушкин ; [АН СССР, Ин-т русск. лит. (Пушкин. Дом)]. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1951. – Т. 3.
13. Пушкин А. С. Полн. собр. сочинений : в 10 т. : поэмы, сказки : [текст] / А. С. Пушкин ; [АН СССР, Ин-т русск. лит. (Пушкин. Дом)]. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1950–1951. – Т. 5.
14. Слина Э. В. Лирическая композиция стихотворения “К морю” / Э. В. Слина // *Изв. АН СССР*, 1974. – Т. 33. – № 3. – С. 234–241. – (Сер. лит. яз.).
15. Сурат И. Три века русской поэзии / И. Сурат // *Новый мир*. – 2006. – № 11. – С. 149–150.
16. Толстогузов П. Н. Живопись : “Покров, накинутый над бездной” / П. Н. Толстогузов // Толстогузов П. Н. Лирика Ф. И. Тютчева : поэтика жанра. – М. : Прометей, МПГУ, 2003. – С. 250–264.
17. Томашевский Б. В. Пушкин в 2-х т. : Юг ; Михайловское / Б. В. Томашевский. – 2-е изд. – М. : Худож. лит., 1990. – Т. 2. – 383 с.
18. Топоров В. Н. Об “экзотическом” пространстве поэзии (поэт и текст в их единстве) / В. Н. Топоров // *От мифа к литературе* [РГГУ]. – М. : Российский университет, 1993. – С. 23–42.
19. Фомичев С. А. Предисловие / С. А. Фомичев [Электронный ресурс] // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 17 т. – М. : Воскресенье, 1994–1996. – Т. 1–19 ; Т. 18

- (дополнительный) ; рисунки, 1996. – С. 9–18. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push19/vol18/s18-009.htm>.
20. Цявловская Т. Г. Автограф стихотворения “К морю” / Т. Г. Цявловская [Электронный ресурс] // Пушкин : исследования и материалы ; [АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом)]. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 1. – С. 187–207. – Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is1/is1-187-.htm>.
21. Чумаков Ю. Н. “Евгений Онегин” А. С. Пушкина : в мире стихотворного романа / Ю. Н. Чумаков. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 128 с. – (Перечитывая классику).
22. Эпштейн М. Н. Стихи и стихия : природа в русской поэзии, XVIII–XX вв. / М. Н. Эпштейн. – Самара : Бахра-М, 2007. – 352 с. – (Радуга мысли).

Аннотация

Статья представляет собой анализ мотива морского путешествия в поэзии Пушкина. В статье прослежено воплощение мотивного комплекса плавания в фонической организации стихотворения “К морю”. Рассмотрен литературный контекст, развивающий семантику моря как творческой стихии.

Ключевые слова: мотив моря, сюжет плавания, фоника стихотворного текста.

Анотація

Стаття представляє собою аналіз мотиву морської подорожі в поезії Пушкіна. У роботі простежено втілення мотивного комплексу плавання у фонічній організації вірша “До моря”. Розглянуто літературний контекст, що розвиває семантику моря як творчої стихії.

Ключові слова: мотив моря, сюжет плавання, фоніка віршованого тексту.

Summary

The analysis of motive of voyage in Pushkin's poetry in the article. The article is followed the embodiment of motive complex a swimming in the phonic organisation of a poem “To the sea”. The literary context is considered, which is developing semantics of the sea as creative elements.

Keywords: motive of sea, plot of swimming, phonic of a poem.

УДК 821.581.09–192+784(510)

Ли Эр Юн,
аспирант,
Белорусская государственная
академия музыки

ВОКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ОБРАЗА МОРЯ В КИТАЙСКИХ ПЕСНЯХ

Описания пейзажей, природы в литературных произведениях можно выразить с помощью музыки. Композиторы и певцы, писатели и поэты очень часто используют образ моря для раскрытия своих чувств и идеалов. В истории искусства музыка постоянно идет рука об руку с поэзией, являясь ее душой, внутреннее содержание стихотворения выражается в музыке. Стихотворение, положенное на музыку, ставшее песней, романсом и т.д., – это особое художественное произведение, в передаче идейного содержания которого участвуют выразительные и изобразительные средства двух искусств.